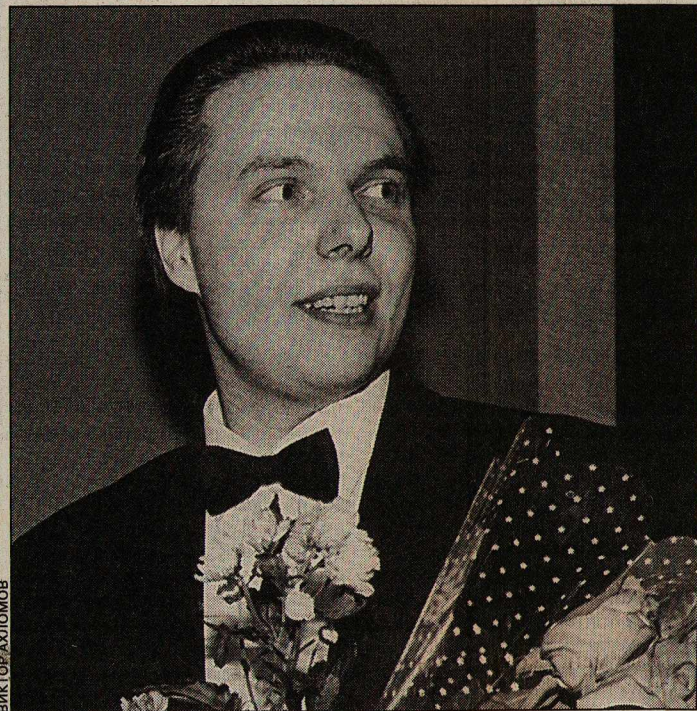

Игнат СОЛЖЕНИЦЫН:

Известия. - 2001. - 22 мая. - С. 8

Надо начать называть вещи своими именами

ВИКТОР АХЛОМОВ

Игнат СОЛЖЕНИЦЫН выступил в Большом зале Петербургской филармонии, исполнив Семнадцатый концерт Моцарта для фортепиано с оркестром. Исполнил изящно и ярко, подтвердив мнение Юрия Темирканова: «Игнат с юности производил впечатление музыканта, подающего большие надежды. И я рад видеть, что эти надежды сбываются».

— Ваши концерты в Большом зале с оркестром под управлением Юрия Темирканова становятся уже хорошей традицией...

— Я буду очень рад, если эта традиция «состоится». Для меня встречи с Юрием Хатуевичем — огромное событие. Темирканов — чистейший человек, это качество редко встречается в любые времена в любой стране. А человек, проживший большую часть своей жизни под советским режимом, причем имеющий публичную профессию и сумевший сохранить порядочность такой пробы, — явление редчайшее. Что касается Большого зала, то нет в мире лучшей концертной площадки!

— Как вы думаете, ваша фамилия вам помогала или мешала на профессиональном пути?

— И то и другое. В любом случае, она вызывала интерес: люди шли, особенно поначалу, посмотреть, что это за зверь такой — сын Солженицына. Это реальность. Мешало, пожалуй, предубеждение: раз такой отец — значит, сына «тащит». Особенно это чувствовалось у нас, где родственный протекционизм расцвел в советское время. На Западе он тоже есть, но не такой наглый, не такой бесстыдный. Так вот, люди и шли на мои концерты уже с предубеждением.

— Но вы не можете не ощущать ответственности за фамилию.

— Ответственность огромная. И не только профессиональная, в большей степени — личная. Для меня отец — замечательный пример того, как можно в невероятных условиях прожить настоящую

жизнь. В этом смысле для меня быть Солженицыным — радостная ответственность.

— Вы в основном живете в США и много гастролируете. Успеваете общаться с отцом, живущим в России?

— У нас очень теплая, близкая семья. Я думаю, так сложилось бы в любом случае, но в изгнании такая близость обостряется. И она сохранилась после возвращения отца в Россию... Вы знаете, мне всегда обидно, когда высказывания и оценки моего отца пытаются «примерить» к эпизоду, к мгновению. Взгляд отца, его суждения шире, чем сиюминутность.

— В «Одном дне Ивана Денисовича» есть фраза: «Проволоку натягивали от самих себя, чтобы не убежать». Что для нашего поколения 25—30-летних является такой «проволокой», мешающей уйти от прошлого?

— У нас не произошло покаяния на уровне каждого человека, каждой личности. Мы не сделали того, что было сделано в Германии. Прошло 16 лет с начала пере-

стройки, практически сформировалось целое поколение — наше с вами. Умирают те, кто сидел, и те, кто сажал. Все уходит в историю, а в нашей стране нет глобального, искреннего осмысления прошлого. А значит, нет нормального пути вперед. Надо найти в себе силы, хотя бы начать называть вещи своими именами. Вот вы сказали: «Мой дед был репрессирован». Ведь это эвфемизм! А то, что сделали с моим отцом, с вашим делом, с миллионами наших соотечественников, которых сажали в лагеря, расстреливали, морили голодом, — геноцид. Вы согласны?

— Конечно.

— А очень многие — нет. Старшее поколение не хочет верить, а молодое — не хочет знать. Германия говорит о национальной катастрофе, о Холокосте, о раскаянии. А в России слово «геноцид» применительно к советскому прошлому практически публично не звучит. В этом смысле нам есть чему поучиться у Запада.

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург